

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 2 (4496)
8 января 1975 г. СРЕДА

ГАЗЕТА

Центральный Комитет КПСС обращается к народной интеллигенции, к вам, инженеры и техники, специалисты сельского хозяйства, деятели науки и культуры, работники просвещения и здравоохранения:

Направляйте усилия на ускорение научно-технического прогресса; крепите связь науки с производством; быстрее внедряйте в практику достижения науки, техники и передового опыта; добивайтесь дальнейшего расцвета советской культуры, народного образования и здравоохранения, своим творчеством воодушевляйте людей на новые трудовые подвиги и свершения; будьте и впредь верными помощниками партии в воспитании нового человека, нашей молодежи в духе идеалов коммунизма, советского патриотизма, пролетарского интернационализма!

(Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии и интеллигенции народа)

НОВАЯ вычислительная техника

НОВЫЕ научные идеи

той пятилетки, многие коллективы заводов и строки догони репортёрами о выполнении вчерашних планов. Достичь цели — не только у нас в стране, но и во всем мире — комплекс доменной печи номер девять Криворожского металлургического завода имени В. И. Ленина. Паренсиские аки колленти-

го Совета СССР. Был одобрен и принят план на пятый, завершающий год девятой пятилетки, поставлены новые задачи перед народом, выполнение которых создаст еще более могучую базу для роста благосостояния людей. Страна вступила в новый, 1975 год, завершающий год девятой пятилетки. Все мы слышали по радио и прочте-

сооружение многих важных народнохозяйственных объектов. Завершающий год пятилетки должен стать годом повышения эффективности производства. Как подчеркивается в Обращении, девизом всеобщего социалистического соревнования по-прежнему остается: дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами! Огромное значение придается и восточным планам.

Советские люди полны решимости с честью выполнить и завершающий год пятилетки и прийти к XXV съезду партии с новыми замечательными трудовыми победами. Отдаваясь на Обращение ЦК КПСС, высокие социалистические обязательства приняли на 1975 год коллективы Московского автомобильного завода имени И. А. Лизачева, Ленинградского производственного объединения «Кировский завод», коллективы заводов, фабрик, строений, колхозов в различных областях и республиках нашей страны.

Есть о чем подумать, чем ответить на Обращение и нам, писателям. Наша основная задача — вторгаться в самую гущу народной жизни, создавать книги, которые стали бы правдивой летописью славных трудовых подвигов советского человека. Наша задача — писать книги хорошие, зовущие к жизни, книги высокого идеального и художественного уровня, достойно соответствующие героям пятилетки.

Слово Обращения проникнуло теплотой и высоким чувством заботы о благе народа. И мы принимаем не только как программу для выполнения, но и как сердечный разговор, который придает новую энергию, воодушевляет, поднимает творческое настроение.

Анатолий АНАНЬЕВ

Трибуна ПУБЛИЦИСТА

МОГУЧАЯ ПОСТУПЬ

Вы, добившись высокой производительности в работе, трудитесь много. Это и строители большого Ставропольского канала, и лесозаготовители Красноярского края, и строители Чирчикской ГЭС, и работники нефтяной промышленности, и работники сельского хозяйства. Многие коллективы поздравил с успешным завершением года Генеральный секретарь ЦК нашей партии Леонид Ильич Брежнев. Да, минувший год был отмечен большими достижениями во всех областях экономики, науки и культуры нашей страны. Об этом говорилось на декабрьском (1974 г.) пленуме Центрального Комитета КПСС и на предновогодней сессии Верховного

ли затем в газетах Обращение Центрального Комитета КПСС к партии и советскому народу. «Советские люди реально ощущают плоды выполненной XXIV сессией КПСС социально-экономической программы, — говорится в Обращении. — Существенно поднялся уровень народного благосостояния. Возросла заработная плата рабочих и служащих, оплата труда колхозников. Свыше 30 миллионов человек повышены пенсии, пособия и стипендии. Введена выплата пособий на детей малообеспеченным семьям».

Выполнение народнохозяйственного плана 1975 года станет новым крупным шагом в дальнейшем укреплении экономического могущества нашей многонациональной державы. По-прежнему будет продолжено развитие крупных территориально-производственных комплексов и

ли затем в газетах Обращение Центрального Комитета КПСС к партии и советскому народу. «Советские люди реально ощущают плоды выполненной XXIV сессией КПСС социально-экономической программы, — говорится в Обращении. — Существенно поднялся уровень народного благосостояния. Возросла заработная плата рабочих и служащих, оплата труда колхозников. Свыше 30 миллионов человек повышены пенсии, пособия и стипендии. Введена выплата пособий на детей малообеспеченным семьям».

Выполнение народнохозяйственного плана 1975 года станет новым крупным шагом в дальнейшем укреплении экономического могущества нашей многонациональной державы. По-прежнему будет продолжено развитие крупных территориально-производственных комплексов и

НОВЫЕ нефтеносные районы

НОВЫЕ урожаи

Фото А. ХРУПОВА и ТАСС

НОВЫЕ промышленные мощности

СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

ПЛАНЫ НОВОГО ГОДА

Первое заседание секретариата Правления Союза писателей СССР, состоявшееся в новом году, было посвящено утверждению плана основного мероприятия Правления СП СССР на 1975 год. Председательствовал на заседании С. Сергачев.

С сообщением по этому вопросу выступил Ю. Верченко. В обсуждении приняли участие С. Баруздин, В. Боборыкин, М. Дангулов, В. Кожевников, М. Луконин, М. Павлов, Ю. Прокушев, А. Салынский, С. Сергачев, С. С. Смирнов, А. Софронов.

В ходе разговора отмечалось, что план прошлого года успешно выполнен. Главными в работе были подготовка и 40-летию Первого съезда советских писателей и проведение юбилейного пленума, посвященного этой знаменательной дате. Широкий отклик — и у нас, и за рубежом — получило Всесоюзное совещание, посвященное го-

ВЫШЛО

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВРЕМЕННОСТИ»

«БАМ — СТРОЙКА ВЕКА»

Так называется книга, которая только что вышла в издательстве «Современник». В связи с этим директором издательства Ю. Л. ПРОКУШЕВ

рассказал:

Сборник посвящен строению БАМ. Это стройка имеет огромное значение. Байкало-Амурская магистраль пролежит в самую гущу тайги, пройдет там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине. Здесь будет создан новый большой промышленный район страны, воздвигнуты новые города и поселки.

БАМ! Кому сейчас известно это название? О ней знает каждый, знает и стар, и млад, и БАМУ ныне приковано внимание миллионов советских людей.

Только что вышедший сборник (кстати, первый в книжной

серии «Современник», посвященной БАМу) — наш новогодний подарок строителям магистральной вехи. А самое главное, наш взгляд, своеобразной художественно-публицистической летописью важнейшей стройки страны. В сборнике — репортажи, стихи, короткие очерки, художественные зарисовки.

В книгу Нового года группа работников издательства — те, кто создавал эту книгу, — во главе с секретарем парторганизации «Современника» прозванком Владимиром Крупным отправились в строительство: позвала в подарок

ценный груз — экземпляры новой книги.

Выходу 500-й книги, на титульном листе которой стоит марка издательства «Современник», был посвящен вечер, состоявшийся в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева. Являющимся торжеством стала

сборник «Вершины братства», рассказывающий о дружбе советского и болгарского народов. Общий тираж книги, выпущенной самым молодым литературным издательством России, уже превысил пятнадцать миллионов экземпляров.

На вечере выступили: А. Вознесенский, Е. Исаев, М. Кокин, Ю. Куринов, М. Лозов, Ю. Нагибин, С. Орлов, В. Осетров, А. Первенцев, Ю. Прокушев, П. Проскуряков, М. Румянцев, С. Смирнов, В. Сорокин, А. Софронов, В. Тендряков, В. Фирсов и другие.

Десять критиков о поэзии минувшего года

стр. 4

ПЯТИЛЕТКА: проблемы, суждения

Авиация в народном хозяйстве

стр. 10

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ БЕСПРАВЬЯ

ВЧЕРА — ДУБИНКА, СЕГОДНЯ — «ЧЕРНЫЙ ЯЩИК», ЗАВТРА... стр. 8, 14

Проектная организация ООО.

Расул ГАМЗАТОВ

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ

ТЕТРАДИ

Мое дерево

Твои листья вверху лунным,
Твои корни в земле, где тьма.
Мое дерево, ты ветвистое,
Как и бурная жизнь сама.

Ты растешь на виду красиво,
Перед саблей среди камней.
Твои длинные ветви кривы,
Как и годы жизни моей.

И когда топором, бывает,
По какой-нибудь ветви бьют,
Этот стук мне сердце сжимает,
Словно руку рубят мою.

В день, когда журавли трубили
И была уж близка метель,
Ветку первую отрубили,
Чтобы сделать мне колыбель.

Уж не мыться ей под дождями.
Соловьям не ней не петь.

Только пела теперь ночами
Колыбельные песни мать.

Вырос я, полюбил, реанул,
Закрутила я отважно ус.
Ветвь срубил тогда вторую,
Звонкий сделал мне кумузу.

То метели, а то капели,
То бало, то черно вдали.
Пел я песни, а дни летели,
Пел я песни, а годы шли.

На коне, пешком, на колесах
Я объехал почти весь свет.
Вот Расулу уже на посох
Рубят с дерева третью ветвь.

Ну, а дальше? Уж ветви мало,
Добираются до ствола.
Хоть бы зубья все поломала
Приготовленная пила.

Приближается расставание,
Погружаемся мы во мглу.
От противного скрежетанья —
Дрожь по телу и по стволу.

Мы с тобой постарели оба,
Но достигли мы высоты.

Чтобы сдаться крепким гробом,
Скоро рухнешь на землю ты.

Не пойми, не скажи иначе,
Опускается тихо ночь.
Я жалю тебя и плачу,
Но бессилен тебе помочь.

Твои листья вверху лунным,
Твои корни в земле, где тьма.
Мое дерево, ты ветвистое,
Как и бурная жизнь сама.

Лестница

Певцы любви, поэт Махмуд,
Вот лестница, а вон окно,
За тем окном, конечно, ждут
Тебя давным-давно.

Сидящая с тобой молодой
И сам ты ждал весь день.
Ступень, другая под ногой,
Четвертая ступень.

Вдруг выстрел грянул со спины —
Ты вниз скатился вниз.
И все ступеньки сочтены,
Которых ты достиг.

Махмуд из аула Кобак-Росб,
Погиб ты, певец Махмуд,
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

Жива любовь. Не умерла
От выстрела она.
Ступеньки доверху прошла,
До самого окна.

Прошла всю лестницу любовь,
Хоть ты навеки уснул.
Мы наткнули струны вновь
На старый твой пандур.

Махмуд из аула Кобак-Росб,
Погиб ты, певец Махмуд,
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

Теперь я знаю сам давно,
Что лестница — вот жребий мой,
Высоко светится окно,
Ступенька под ногой.

Одна, вторая... сколько их?..
Тут некогда считать
Ни тех, которых уж достиг,
Ни тех, что достигать.

И на которой ждет удар —
Узнать нам не дано.
Как высший, как бесценный дар
Вверху горит окно.

Махмуд из аула Кобак-Росб,
Погиб ты, певец Махмуд,
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

К окну во всю я лезу прыть,
Горит окно мое.
Всплыви мне уж, может быть,
Нацелено ружье.

Инфаркт, инсульт, как ни зовишь
Та смерть, не все ль равно.
Я упаду к подножию вниз,
Вверху горит окно.

Горит верхушка моя любовь,
А я навеки уснул.
Но пусть натанут струны вновь
На старый мой пандур.

Махмуд из аула Кобак-Росб,
Погиб ты, певец Махмуд,
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

Перевел с аварского

В. СЕДУХИН

НОВОЕ
ИМЯ

Алексей Иванов — молодой
ленинградский литератор. В
прошлом году он опубликовал
свои первые рассказы в журнале
«Аврора». Сейчас А. Иванова
занимает работа над новой
повестью «Дом строителя»,
которая будет печататься в
журнале «Звезда».

Сегодня Алексей Иванов
активно участвует в «Литературной газете».

С ОРОКИН любил ездить на «авторский надзор». После неспешной, с долгими перекурами, атмосферой «Горпроект» строились, казалось ему, да, впрочем, и была, совсем иным миром, простым и ясным. И веселым. Веселым именно от простоты и ясности. До «Горпроекта» ему пришлось не один год работать на стройке и пройтись от мастера до начальника участка, и приезде «на авторский» стали как бы возвращением назад, когда он был легким на подъем и мог по две смены крутиться на участке, чувствуя, как огромные «синицы», уложенные в толстые альбомы, с его помощью, да и не с помощью, а его стараниями, усилиями, знаниями становятся сначала котлованами, разбитыми по его отметкам, потом обрываются сваями, железобетонными блоками и начинают даже в глазах самых неопытных людей походить на основание дома, фундамент! Проходит какой-нибудь месяц, и, пожелав, появляются монтажные краны, и дом, будто вытягивают его из земли длинные крановые краны, поплыв вверх. А ты уже на другом месте — и снова разбивка, отметки, снова рычат экскаваторы...

За окном автобуса плыли, будто чуть покачиваясь и разрезая голубой весенний воздух, белые и розоватые дома, построенные по проектам, рассчитанным, которые приходилось Сорокину. И от огромности и строгой нарядности корпусов, от четкой архитектурной мысли, застроенной в них, от строгости и разумной симметрии квартала, просторно развернувшегося в недалеком заливе свои каменные корпуса-крылья, исчезало утреннее раздражение, тихие, но непрерывные институтские склоки, редкие трескучие, с «дамскими», как говорил один из служащих Сорокина, следами скандалов, — будто гигантские, подвешенные розовым утренним солнцем дома-корабли уводили от повседневной суеты мелких дел...

Автобус, скрипя рессорами и клянясь кабком, перепрыгивая глубокую лужу и останавливаясь возле сброшенных в грязь побитых перекуренных — тут стояла, чуть накренившись, труба в два с половиной дюйма, к которой привесили табличку: «Остановка автобуса». Номер маршрута на ней был написан мелом.

— Здорово! — Некрасов сузил ему тяжелую руку в триху, будто проверяя, хорошо ли рука Сорокина укреплена в плече. — Ну, явился инспектор! Вся плешь мне пролегла! Некрасов засмеялся, хотя Сорокина видел, что ему вовсе не до смеха, и не отгадываясь, зашатал по тоненькому горбылю, брошенному в липкую грязь. — Двух студентов привел, для солидности, что ли? Я даже ушел — надоело слушать и объяснять!

Случай был редкий. Пожалуй, на редкой волне: заместитель руководителя мастерской вызвал на постройку инспектора архитектурного надзора. И это после того, как Сорокин дал разрешение на «дальнейшее производство работ»!

— Ну так что они реплики в копее копее? — Сорокин скользя на мокрых досках, пытаясь не отставать от Некрасова.

Тот вдруг остановился, беззаботно посмотрел на Сорокина и, вытаскивая из кармана сигарету, сказал, что часть готового уже ростверка — основания фундамента, лежащего на свае, следует разломать.

Ломать готовый уже ростверк? Сорокин представил, сколько раз Некрасову придется бегать к главному инженеру, вместе с ним — к начальнику управления, выслушивать грозные разносы и предупреждения, объясняться с бригадиром и рабочими, вольнонаемным им, что прогрессиву с них сняли не потому, что они работали плохо, а потому, что он, Некрасов, вместе с Сорокиным дал маху, допустил ошибку, из-за которой прогрессивка летит у всех; как побудит разговоры и обсуждения на собраниях, как придется снова закатывать сваи и выпрашивать «КРАЗ» для их перевозки, клянясь в ноги главному механику...

«Нет, все, что угодно, только не это! Только не ломать! Пускай пишут на меня докладные, снимают премию, пусть выговор, только не ломать!», Сорокин увидел вдруг ясно всю бригаду Некрасова, которая работала на этом корпусе: обветренные, скандальные, уже, первым солнцем, красивые лица, длинные грязные рубахи и ватники, руки, раздвинутые в ширь от тяжелой работы, сигареты в них кактусы и грушевые. В среди них — Некрасов, которому, собственно, и говорить нечего. Виноват — и все! Хотя опло, конечно, помнит, что вина Некрасова вовсе не в незнании и неумении — свля богу, не один уже фундамент заложил! — в том, что он не сумел отстоять принятое решение.

Но самое обидное заключалось еще и в том, что Некрасов и его бригада, сами того не ведая, оказались втянутыми в пелену пень событий, которые произошли в «Горпроекте», а точнее — в мастерской, где работал Сорокин. Сорокин чувствовал, что это не рядовые какие-нибудь неприятности, а вопрос основополагающий для него, принципиальный: работать ему в мастерской, а «Горпроекте», или нет. И если работать, то как: так, как прежде — замечая и отмечая неполадки, добиваясь исправления их (это, впрочем, удавалось далеко не всегда), или махнуть на все рукой и не выходить за рамки служебных обязанностей, суженных, испрошенных, правда, кем и когда, до сдачи в срок проектов, приходивших к конструкторам.

Старший инспектор ГАСКа — Государственного архитектурно-строительного контроля — Берман оказался маленьким человечком, с пухлыми, розовыми руками, коротенькими усиками, каждый волосок которых торчал вперед, и оттого они казались наклеенными, с детским румянцем во всю щеку и красненькими волосами. От него чуть пахло незнакомым одеколоном и туалетным мылом. Берман быстро подошел к Сорокину, улыбнулся и крепко пожал руку.

Ростом он был ниже Сорокина. В одну секунду он успел рассмотреть некрасовский самовар и погнеть на его боках руки, представить двух девушек-практиканток, объясняющих их приезд к Некрасову («Пустят посмотреть на образцовые нарушения строительных норм и правил,

что же по нынешним временам редкое дело»). Сорокин никак не прореагировал на это, хотя и заметил на себе быстрый взгляд Бермана, а тот принял уже хвалить «наглядную агитацию», повесившие плакаты на стенах («Мало, мало мы придаем этому значению»).

Берман усадил практиканток за стол: «Чайку, чайку!» Умело и весело рассказав, как и почему именно так заваривают чай на Востоке, посетовал, что самовары стали выпускать «только в сувенирных вариантах», отхлебнул чай, звонко поболтал в стакане ложечкой. Он ласково поглядывал на девушек-практиканток, раскрывавшихся от чая.

И вдруг, то ли по быстрому взгляду, брошенному на него, то ли по блеску в черных веселых глазах, Сорокин понял, что Берман вовсе не прост, как могло бы показаться на первый взгляд, в человеке умный. Его разговоры отчасти и велись для того, чтобы прощупать Сорокина, — ведь не для чаепития приехал к Некрасову.

После чая наступила чуть неловкая пауза: пора было переходить к делу, и делу неприятному, а после веселой и добродушной беседы это было не так просто. Даже опытный Берман, растерянно потирая руки, виновато посмотрел на Сорокина и вдруг сказал: «Ну что, теперь честным словом да и за сладкую?» — и авторитетно, чувствуя неловкость положения.

Сорокин снова промолчал. Берман вдруг переключился и стал другим человеком, будто и не сидели они целый час за столом. Он надел куртку, быстро застегнул пряжки, натянул на левую руку перчатку и, прихлопнув правой, ненадолго, по ладонной к коже ладошке, вышел, кивнув Сорокину: «Пойдемте, посмотрим».

АВТОРСКИЙ
НАДЗОР

Собственно, смотреть особенно было нечего. Человек, сведущий в строительстве, видел все с первого взгляда. Ростверк с правой стороны, возле середины будущего фасада, был устроен чуть ли не на треть. И почему так произошло, тоже разоблачить нетрудно. Сваи, на которых он лежал — а они при забивании не должны уклоняться от вертикали, — ушли в сторону. Примерно на половину своей ширины. По всем строительным канонам, сваю, ушедшую в сторону, надобно было срубить и рядом забить другую, «контрольную». Что Некрасов и сделал. Но и эта, и следующая тоже пошли с отклонением — видимо, в глубине, метрах в трех, лежал камень. Конечно, можно было бы найти и другое решение — дело неслучайно, во времени уже было в обрез, поднимал срок сдачи, да и свай запасных Некрасов оставил всего несколько штук, а «КРАЗ» для их перевозки выспросил у него раньше времени главный механик, у которого «горел» другой объект, и Некрасов, позволив предварительно Сорокину как человеку, «осуществляющему авторский надзор», решил, что промолчит и так. Ну ушли сваи чуть в сторону, ну и что? Обвалится дом, что ли? Нет, конечно! Правда, в этом месте возникнут силы кручения, ростверк будет работать в более сложных условиях, но, во-первых, запас прочности у него такой, что это случится, а во-вторых, можно же поставить поперечную арматуру — она и примет все нагрузки!

Сорокин тем временем посчитал работу ростверка на изгиб с кручением и, попросив Некрасова, чтобы тот сам проследил, как будут ставить поперечную арматуру, дал «добро» на продолжение работ.

Но теперь, как говорил Некрасов, «все пошло наперекосяк». ГАСКа — организация серьезная. Да вдобавок еще приехал старший инспектор, и теперь все зависело от него: прогрессивка для бригады и Некрасова, классное место в соревновании и прочие приятные вещи или долгое стояние «на ковре» у начальника строительного-монтажного управления, человека резкого и тяжелого, обсуждения на собраниях и самое главное — авторитет и Некрасова как начальника участка, да и Сорокина тоже. А в конечном счете, может быть, именно от уважения, от веры в начальника участка, от сознания его силы и зависела в большей своей части безукоризненная работа бригады. Ведь каждый, кому приходится работать с людьми, знает, что они могут простить многие слабости и недостатки начальства и никогда не прощают незнания дела, неумения или нежелания его делать.

Берман выслушал объяснения Сорокина и Некрасова, побродил по ростверку, легко вспрыгнув на него, молча сделал пометы мелом — и Сорокин, и Некрасов прекрасно понимали, что означают эти жирные, в два три сантиметра шириной черты крошечного мела на отполированном бетоне: ломать, от сих и до сих! — и, слегка осклабясь, прыгнул вниз.

Николай Васильевич, а цену все наши расуждения как инженера и ваши чисто человеческие соображения, — Берман поставил ногу на разлохаченную сваю и принялся перчаткой сбить комочки глины, прилипшие к блоку, — но, к сожалению, все мы рабы, — он задался, — рабы нами же созданным правилам. Бегу паш с вами свод законов, и отступать от него — значит позволить анархию. Раз их создали, эти законы, и даже не мы с вами, а еще до нас, и, думаю, люди, их создавшие, были не глупее, навешивали, нас с вами, то мы же должны им подчиняться? Это не просто! — он оглянулся на ростверк. — А это, — и махнул рукой, — придется ломать по пометам. И переломать. Андрей Иванович, — он положил руку на рукав ватника Некрасова, — я понимаю вас,

я сам работал на стройке шесть лет и именно на «нуле». Я понимаю вас хорошо, но, — он улыбнулся печально и значительно, — но ничего не могу сделать.

Берман повернулся к Сорокину: — Пойдемте?

Сорокин остановил его и снова принялся объяснять все сначала — и про сваи, и про камень внизу, и про поперечную арматуру. — Берман вежливо слушал, начиная скучать. Он нечасто выезжал на постройки, в случаях разве очень сложных и спорных, а тут все было ясно, как в учебнике. Но и в спорных случаях люди вот так же, как сейчас Сорокин, начинали сетовать на объективные трудности, на время, поджимающее их, на нереальные сроки строительства — словом, все повторялось, и это было скучно.

Сорокин видел, что Берману надоело уже эти разговоры, что солнце, притворившись было с утра, спряталось, подával сырой ветер с залива и вообще пора было идти со стальной акт, ощущая на себе, ну, если не восторженные, то, безусловно, почтительные взгляды практиканток: приехал, взглянул, сделал выводы — в, пожалуйста, акт, ломать!

Они не спешили к котловану Некрасова. Берман подвал воротнички курточки и спрянул руки в карманы.

— Александр Наумович, а вы могли бы рассчитать вот этот кусок ростверка? — Сорокин чувствовал, что пытается пробить, лбом невидимую стену, появляющуюся между ним и Берманом, едва они поднялись с места. И знал, что эта невидимая стена, обвалиться, может принести серьезные и совершенно реальные неприятности.

Алексей
ИВАНОВ

Рассказ

Рисунок В. РУДЕНКО.

Берман засмеялся: — Это что же, экзамен? Конечно, смогу! Я думаю, даже наши практикантки это сделают. — Они подошли к котловану.

— Ну что же, пусть они рассчитают, — Сорокин из мелкого чувства мести не распахнул перед ним дверь, Берман чуть постоял, улыбнулся и дернул дверь на себя.

— Пожалуй, это им не поведет.

Через две минуты выяснилось, что практикантки не понимают формулы расчета модуля упругости железобетона и полагают, что ростверк вообще будет работать только на изгиб, без всякого кручения.

Берман точно и красиво нарисовал им схему работы ростверка, поставил несколько модулей упругости в зависимости от марки железобетона, подчеркнул нужные — Сорокин чувствовал, что все это он делает и для него, — и написал формулы расчета.

Сорокин молча смотрел, как потеют практикантки, неловко двинув бегущим линейкой, которую он захватил с собой.

— Ну что же, может, еще чайку? — Берман уже похотелся сесть за стол.

Была чай, он достал из кармана резинный мешочек и закрутил трубку. Терпко-медовый дым поплыл струями, не расходясь, Сорокин вдруг подумал, что все они — и практикантки, и он, и этот Берман со своей трубкой — играют какую-то пьесу, каждому в которой отведена определенная роль, и отойти от нее, встать своей, не авторский текст, нельзя, и финал давно уже известен кому-то, кто написал эту пьесу. И кульминация уже, собственно, была, осталось только доиграть затянутающееся последнее действие, в котором практикантки будут уныло считать ростверк.

Минут через десять Берман, точно следя своей роль в пьесе, взял линейку и быстро досчитал ростверк. Уничтожив поперечную арматуру (прутки были положены в восьмидесяти сантиметрах друг от друга), ростверк мог выдерживать напряжения вчетверо больше, чем могут возникнуть при самых максимальных нагрузках на дом — чудовищном ветре или 5-6-балльным землетрясением, которых, как известно, в Ленинграде никогда не было.

— Ну-с, девочки, можете отдыхать. А мы тем временем — актин, — он говорил весело, но чувствую на себе недоуменные взгляды практиканток — ведь будет же дергать ростверк, зачем же его ломать? — пожалуй, напоследок весело, что уже выходило из рамок авторской мысли, и это его смущало.

Девочки пошептались, и одна из них, что уже совсем выпадала из текста пьесы, спросила Бермана: — Так будет он держаться?

— Будет! — Берман потер ладошки и вытащил из кармана авторскую. — Будет! На сто лет я могу дать гарантию.

— А зачем же ломать?

Он, видимо, уже приговаривая ответ, потому что ждал этого вопроса, наклонил подбородок: — Канонцы! Канонцы с, от которых никто из нас — ни вы, ни уважаемый Николай Васильевич, ни... — он оглянулся на вошедшего Некрасова и сделал широкий жест, — ни товарищ Некрасов — никто! — не может, не имеет права отойти!

Он чувствовал, что все это звучит довольно неубедительно, но обратного хода, это видел и Сорокин, уже не было. Берман достал из плоского чемоданчика «дипломат» бумагу и уселся за стол:

— Давайте переделаем канонцы, и тогда — пожалуйста. Ведь ничто не вечное! И мы с вами работаем, — он оглянулся на Сорокина и Некрасова, — а вы учитесь, — это практикантки, — не только для того, чтобы просто вводить дома, нет! Но чтобы и менять канонцы — И принялся писать акт.

Берман писал акт и пытался сообразить, как, откуда, с какого места такая привычная и хорошо знакомая во всех тонкостях и деталях ситуация вдруг стала новой, незнакомой по ощущениям, хотя в финале ее сомнений не было никаких. Не следовало давать практиканткам считать ростверк! А честно-то, так и вовсе не надо было брать их с собой. А может, и самому нечего было тащиться, зная, что вызов неофициальный — просто звонок Белопольского.

Сорокин смотрел, как перо легко и бесшумно бежало по бумаге, застылая иногда на самую малую часть секунды, и снова бежало, переключаясь своим легким движением все разговоры сегодняшние, и чаепитие, и напряженную приятность общения с Берманом, и надежды Некрасова, и...

Сорокин чувствовал знакомый в всегда пугающий холодок злости внутри: на кой черт вся эта приятность, если дело все равно провалено!

Некрасов выпил в два глотка стакан чаю и наклонился к Сорокину:

— Там бригада пришла. Ждут.

Сорокин молча кивнул. Покер у Бермана оказался совсем не таким, каким ожидал его увидеть Сорокин, — он уже представлял акт, написанный кругленькими и ровными буквами. Покер у Бермана был похож на колючую проволоку.

— Андрей, — тихо сказал Сорокин, — пусть девочки погуляют немножко! — Он уселся напротив Бермана и сказал ему: — Хочу вас оторвать на минуту.

— Да, — Берман без улыбки взглянул на него.

Конечно, он видел и понимал, что практиканток отправил гулять не случайно. Что сказал ему эти парни? Он видел, знал, понимал, что единственное, что им надо сейчас, это чтобы он не писал приклятый этот акт, а подпisał коротенькую бумажку «разрешение на продолжение работ» или вовсе провалился бы к чертовой бабушке, словно и не появлялся на стройке никогда. По правде говоря, ему и самому больше бы хотелось подписать «разрешение на продолжение», но он не первый год работал в ГАСКе, не первый год знал свое начальство и отчетливо сознавал, что оно не оставит этого дела и все будет считать, что Берман где-то ошибся, не смог чего-то сделать, и недоброжелатели — а что скрывать, у кого их нет? — обязательно этим воспользуются, и хотя сделать, конечно же, ничего не смогут, но неприятности могут быть. Пусть маленькие, но могут.

— Слушаю вас, Николай Васильевич.

Что будут говорить ему эти парни?

— Слушаю вас!

— Александр Наумович, — Сорокин почувствовал, что у него задрожали руки, и спрянул их под стол. — Вот вы тут замечательно объясняли девочкам, что такое канонцы и как их нужно переделывать. А вы могли бы работать бригадой, которая этот фундамент монтировала, повторить все то же самое: что вы даете гарантию на сто лет и все-таки пишете акт на демонтаж ростверка? Пусть даже части его. Они ведь не хуже нас с вами понимают, что такое «демонтаж части ростверка», что придется снова возить сваи, вывозить «бабу», строить пандус, чтобы спустить ее в котлован, ломать забор вокруг постройки, — и, наконец, пандус не сделавши, перекидывать проезжую часть улицы — и все это при вашей гарантии на сто лет. И еще оттого, что кто-то не переделал канонцы, которые уже устарели. Или устарели. Я понимаю, что это было справедливо, когда на стройке работали практикантки — они не могли сосчитать нагрузки, не умели, потому появились такие жесткие ограничения — все это ясно. Но вот вы сейчас смогли бы объяснить рабочим, почему они должны ломать то, что ломать не следует?

Берман, не мигая, смотрел на Сорокина и молчал. Сорокин проделал самый точный и единственно верный ход в этой игре, и Берман смотрел на него с удовольствием. Он, как, пожалуй, никто, в силу своей работы в subtly контролирующей организации, знал, что мало быть только-только и знающим инженером, как для победы в состязаниях мало быть способным и подающим надежды спортсменом, — надо уметь победить, собрав волю, способность, желание победить, — и Сорокин сделал это, разглагольствуя по-своему финал пьесы. Берман помолчал, подпisał размытым закорючатым уже актом, не глядя на подпись, и, расклевываясь, бросил ручку и аккуратно разорвал его запятым. Потом сложил подлинник и снова разорвал. И запянул их в карман:

— Ступайте же, простите осадку какую-то ветром, а? Как Суворов при Измаиле? — Он вскопил и протянул Сорокину руку. — Молодцы!

Некрасов затряс своей лапшей его ладошку и вдруг обхватил Бермана за плечи:

— Правда? — он захохотал и, гремя сапогами, выскочил в двор.

— Фу, — сказал Берман, тряся рукой, — прямо медведь какой-то, а? Он, наверно, спортсменом был? — И снова уселся за стол, задумавшись на мгновение. — Знаете, так... Поскольку вызов был неофициальным, давайте для простоты дела будем считать, что я и там не принимал. Но зная, и потому в курсе дела. Если возникнет разговор, можете сослаться на меня. Договорились?

Через пять минут Некрасов, сияя широкой улыбкой, провожал Бермана. Сорокин смотрел на них с крыльца и видел, что Некрасов — правда, при его силе это было бы совершенным пустяком — готов хоть на руках дотащить этого человечка к автобусной остановке. «Нет, а все-таки надурно все это получилось», — думал Сорокин, с удовольствием вдыхая вкусный табачный дым, все еще плавающий слоями по комнате.

олом, горисполкомы, органы архивно-библиотечно-исследовательского аппарата, а также органы за реализацию планов, жилищно-коммунального строительства горрайонных районов области».

гострой считает, что в современных условиях, при продвижении горняков в Западной Европе, объединенных в единый экономический комплекс, в частности, в институты и

**ВЧЕРА—ДУБИНКА, СЕГОДНЯ
«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК», ЗАВТРА.**

Питер ВРЕГГИН,
директор Центра
психиатрических
исследований
ВАШИНГТОН

